

От автора

И опять здравствуй, мой дорогой, многократно проверенный, а потому уже родной читатель! Вот и опять мы встречаемся с тобой, и надеюсь, что не случайно. А скорее всего потому, что тебе стала небезразлична судьба нашего с тобой героя, простого одесского парня Проценко Андрея. Орденоносного боевого капитана-пенсионера прославленного Отряда специального назначения «Витязь», Крапового Берета, известного в узких военных кругах как Филин. В своем давнем прошлом... А в прошлом ближайшем... Легионер Французского иностранного легиона, успевший всего за неполных два года вырасти от рядового легионера до лейтенанта, стать кавалером ордена «Военный крест (за боевую операцию)» и ордена «Святого Георга с мечами» и получить из рук живой легенды легиона, бригадного генерала Огюста Жерарди, легендарного Паука, Малиновый Берет. Огромная честь, надо признать, ибо берет этот означает, что его обладатель достиг наивысшей ступени воинского мастерства, как и обладатель нашего, Крапового!.. Андрей, а для французов Ален Фэрри, стал тогда «семьдесят седьмым». Из действующих легионеров, имеющих право носить такой берет.

Что ж! Как говорят французы — «La marche, en avant!», или по-нашему: «Марш, вперед!»

Вперед! По следам, оставленным на дорогах войны. По следам Филина...

Пролог

Новый 2008 год... Яркий и феерический!

Ах, как же они его встретили!!! Весело и беззаботно! Они... Андрей и его Иришка! И о чем было еще думать, о чем мечтать, если его СЧАСТЬЕ было вот оно, прямо здесь и сейчас, рядом с ним — улыбающаяся, беззаботная и, наверное, счастливая, его жена, его любимая Иришечка Бокова...

Он смотрел на нее и понимал, что, наверное, именно ради нее он и топтал так долго своими ногами военные тропы... Только теперь, когда ему исполнилось 40, когда абсолютно все его сокурсники по училищу уже давно были подполковниками, а кое-кто и полковником, из тех, кому удалось дожить до этого возраста, а именно теперь он понял, для чего столько было пройдено и пережито. И два вынужденных, «добровольных» плена... И бесконечные скачки по горам, джунглям и пустыням земного шарика. А сколько их было! Афганистан, Фергана, Кавказ, Нигерия, Зимбабве, горящее в межнационально-религиозной бойне Косово, Боливия, опять Афганистан, Кот-д'Ивуар... И четыре клинических смерти, пережитые в этих «походах»... И награды... Одни из самых уважаемых в среде тех, кто в них хоть что-то понимал... И два Краповых Берета... И исполосованное шрамами тело до такой степени, что он, как девка-малолетка, стеснялся раздеться на пляже...

А большие душевные потери?! Его мытарства, его не просто кошки, а здоровенные львы на душе, которые скребли своими когтями и рвали на части его душу пополам!..

Его дети, живущие так далеко... Дочка Машенька, которая собиралась стать офицером-переводчиком израильской армии. В свои семнадцать лет она свободно владела шестью языками!

Максик!.. Его Максим... Пятилетний бутуз. Умный не по годам, сильный и смелый до безрассудства... Все зовущий его, Андрея, своего папу, жить вместе с ним...

Только теперь он понимал, что все это было не зря! Что все это имело смысл не просто в том, что «кто-то должен делать и эту работу!», а в некоем пути познания, преодоления и... Приобщения и обретения... Он обрел счастье!.. Он обрел свое неземное счастье, которое носило земное имя — Ирина...

Он был счастлив!

Только вот... Ничего не мог поделаться со своей памятью! И рад был бы забыть, но... Что-то все время напоминало ему о прожитом. Что-то не давало покоя...

И он раз за разом окунался в эти беспокойные волны. Раз за разом вновь, как тогда, как в первый раз, переживал все, что видел, слышал и делал...

Часть первая

«Здравствуй, «La légion — ma Patrie!»!»

* * *

...Испытай, завладев еще теплым мечом,
И доспехи надев, что почем, что почем?!
Испытай, кто ты — трус иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус настоящей борьбы.

В.С. Высоцкий. «Баллада о борьбе»

1 марта 2000 г. Абажель Возвращение...

■ ■ ■ **А**ндрей сидел в комнате для посетителей на уже успевшем стать ему родным КПП и ждал сопровождающего офицера. Была середина дня, когда он вновь появился здесь, около этих ворот, вернее, шлагбаума, потому что эти автоматические ворота закрывались только на ночь. Он все еще сомневался в правильности своего выбора, а потому... Он просто попросил дежурного офицера, а сегодня это был совершенно незнакомый ему сержант, пропустить его внутрь. Попросил на русском языке. Почему? Андрей и сам не знал этого. Просто, наверное, хотел, чтобы его приняли за нового волонтера, который пытается испытать судьбу и стать легионером, чтобы оттянуть немного тот момент, когда ему придется вновь вернуться к своей, такой нелегкой и такой обыденной для него, жизни солдата. Он сидел с отрешенным видом, как тогда, в первый раз, два года на-

¹ «Легион — мое Отечество!» — девиз легионеров Французского иностранного легиона. (Здесь и далее примечания автора.)

зад, когда он ждал своего самого первого «сопровождающего офицера»...

Ждать, как и тогда, пришлось долго, несколько часов.

Андрей сидел в душевной комнате и смотрел в окно. Большой диск желтого солнца уже перевалил за полдень и стал постепенно приобретать оранжевые тона. Едва-едва родившаяся, ранняя в этом году весна постепенно начала вступать в свои права. Кое-где уже потекли первые ручьи из-под снега, кое-где уже появились на ветках первые, самые смелые пичуги. В воздухе, еще довольно прохладном, уже чувствовались первые, пока еще очень робкие, но набирающие силу с каждой минутой, теплые весенние струйки ветерка. Все говорило о том, что природа просыпается после зимы и вот-вот разгуляется во всю свою мощь, радуясь пришедшей весне...

Андрей наслаждался пробуждением природы, впитывал в себя ее жизнетворные соки и... Пытался разобраться в самом себе... Пытался понять, так ли правильно он поступает сейчас, опять вернувшись сюда, к «самым главным» воротам Французского иностранного легиона...

«Полгода... Полгода прошло!.. Ведь ты же клялся, Андрияха, сам себе клялся, тогда, в июле, когда еле-еле выкарабкался из госпиталя, когда едва не завернул ласты, что больше никогда не вернешься сюда... Что осточертело тебе все до цветных чертиков в глазах... Что хватит уже на твой век войны и пора подумать о душе... Что уже давно пора создать настоящую семью... Жениться... Родить сына... И что? Что ты здесь делаешь?!. Почему ты не остался в Кулха Чу? Ведь еще две недели назад ты именно так и собирался поступить?.. И почему ты не остался вчера у этой красавицы Эжен, ведь она просила тебя об этом?.. Почему ты здесь, капитан? Неужели не навоевался еще за всю жизнь? Неужели тебе было мало всего того, что уже успел испытать на своем веку?..»

Он посмотрел сквозь стекло окна на дежурного сержанта, такого молодого и наверняка неопытного, на со-

всем уж «сопливого» часового, который нес службу у шлагбаума, и с силой потер свое лицо ладонью.

«...Да нет, не мало, наверное, любому по маковку хватит, только... А кто же будет тогда учить выживать вот этих вот салабонов? Кто их научит, если не ты и не такие, как ты, Андрюха? Что будет, если вдруг решат уйти со службы одновременно такие вояки, как твои Стар, Питон, Вайпер, Гот, Джамп, Задира, Водяной?.. Нет, мир, конечно же, не остановится и не рухнет в тартарары, и обязательно найдутся другие, не менее достойные, но... Почему не мы? Почему не я?.. Ведь ты, Андрей свет-Ляксеич, начал так жить уже давно, еще с 88-го, когда принял и проникся всей душой девизом Отряда: «Если не мы, то кто?». И что теперь, задний ход?.. И это ты, которого называли Филином, который никогда не поворачивался к противнику спиной, как бы тяжело и опасно ни было?.. А ведь великий Кут Хуми похвалил твой выбор и назвал тебя чуть ли не сталкером... Нет, Андрюха... Обратного пути у тебя уже нет... И все твои сомнения — ерунда! Потому что ты сейчас не где-то неизвестно где и даже не под «теплым крылышком» красавицы Эжен. Ты сейчас там, где должен быть, потому что это твой путь!.. Путь «преодоления и познания»... Так учил тебя Фа Сянь, так учил тебя великий старец Кут Хуми... И ты теперь просто обязан пройти его до конца... Долгим или коротким он будет... Кто знает?..»

Андрей вышел из душевной комнаты на свежий, слегка морозный, но уже такой весенний воздух, закурил полюбившийся ему Gitanes и обратился к сержанту на страшной смеси русского, английского и французского языков:

— А скажите, пожалуйста, месье, долго ли мне еще ждать этого вашего «сопровождающего»?

Сержант, которому от роду-то было едва двадцать лет, но который уже успел «полностью осознать», что он и есть «гордость» французской армии, надул щеки, как хомяк, для солидности, не иначе. Выждав почти шекспировскую паузу, он и изрек сакраментальную фразу на «чистом французском языке», стараясь вворачивать в оборот такие

слова, которые вряд ли могли бы быть известны «не французу»:

— Офицер, который прибудет тогда, когда у него найдется для вас время, не мой, а ваш «сопровожающий». — Юнец одернул форменную камуфлированную куртку и еще больше «задрал нос». — И вообще, месье... Для того чтобы стать одним из нас, надо приложить немало усилий, в том числе и терпение... Вы вообще должны были бы сказать мне спасибо, что я позволил вам ждать не на улице у шлагбаума, а в комнате для посетителей... Хотя... Если у вас не хватает выдержки, то вы можете идти... Обратную дорогу вы уже знаете... В засаде терпение — самое важное качество!.. И проверяется оно здесь... Ждите!.. И, может быть, вам повезет...

«Бог ты мой!.. — усмехнулся Андрей, глядя на этого юнца с сержантскими нашивками и значком интендантского батальона. — Какой же ты дурашка!.. Ты ли знаешь, какое терпение надо иметь в засаде?.. Пробовал ли когда-нибудь?.. Ты же, поросенок, даже не проверил мой рюкзак, а допустил в здание КПП...»

Он смотрел с сожалением и участием на этого юношу, возомнившего себя Наполеоном, и понимал, что если он ничего не сделает прямо сейчас, то этого индюшонка так больше никто, никогда, ничему и не научит...

«Великий Кут Хуми доверил мне нести знания и мудрость в мир... Но ведь быть настоящим воином, бойцом, готовым к любым неожиданностям в любое время, — это же тоже знания...»

Он так думал...

Или Андрею надоело ждать, и он решил ускорить процесс...

А может... Может, ему в тот момент просто захотелось похулиганить немного, размять застоявшиеся мышцы, а заодно и проучить немного этих «охранников» КПП, чтобы «знали службу» и не «ловили ворон», обрадовавшись весне, а «ловили мышей», как и положено в карауле, на одном из самых ответственных постов?..

Хулиганство это, честно говоря, могло закончиться плачевно, потому что в непосредственной близости от здания КПП находилось здание, где размещался весь караул, а это не менее взвода вооруженных солдат, а в пятидесяти метрах чернела на фоне весеннего неба караульная вышка, на которой маячил часовой. Но... Устав уже был нарушен — на КПП вместе с дежурным обязаны были находиться не менее трех рядовых легионеров...

— Вы не угостите меня сигаретой? — Андрей вплотную подошел к сержанту.

— Что, свои закончились?

— Забыл в рюкзаке, а идти обратно не хочется.

— Отучайтесь лениться, месье, — у нас, в легионе, это строго наказывается... До ваших сигарет, которые «в рюкзаке», стоит пройти ровно десять шагов, поднявшись предварительно на три ступени... Это не так уж и сложно...

«Ясно... — подумал Филин. — Ты еще и жмот, как и все тыловые... А я-то надеялся, что хоть этот экзамен ты выдержишь... А ты... Небось, и сержантские нашивки-то по благу получил... Что ж... У нас, в легионе, это действительно строго наказывается... Даже строже, чем тебе кажется, «типа сержант»...

— А может, все-таки угостите сигареткой?

— Вы плохо понимаете французский, месье? — Сержант слегка набычился, напуская на себя суровый вид бравого вояки.

К этому моменту Андрей успел приблизиться к дежурному на расстояние вытянутой руки. Большого было не надо...

— Это ты, мальчик, плохо понимаешь по-французски... И очень плохо несешь службу...

Правой ладонью, со сложенными пальцами в «копье», он несильно ткнул незадачливого дежурного в левое подреберье так, чтобы не разорвать ему ненароком селезенку, но вызвать продолжительный болевой шок... Сержант буквально, что называется, «сложился пополам» на руке Филина...

Следующим был остолбеневший часовой.

«Шаг тигра»... Этому передвижению навстречу противнику научил его монах-водонос Лао Хо...

Андрей, словно вода в горной реке, неуловимо быстро, стремительно «перетек» к ногам часового и... Остальное было делом техники... Поймать его правую руку, которая покоилась на висевшей через плечо штурмовой винтовке «FAMAS G-2 Commando», взять на болевой прием и завести ее за спину было делом двух секунд. После чего Андрей нейтрализовал солдата очень простым, эффективным, а главное, весьма оригинальным способом — он его попросту приковал... Нет, не подумайте ничего плохого, упаси Господь!.. В «штатное снаряжение» любого, кто заступал в караул на КПП, входили наручники... Андрей просто пристегнул одно кольцо к предохранительной дуге спускового крючка его винтовки, а второе, как и задумано было изначально, застегнул на его правом запястье. Теперь этот парень был «при своем оружии», воспользоваться которым не мог ни при каких условиях — длина «браслетов» не позволяла! Хотя вывернись наизнанку!.. Ну и придавил его Андрей немного, чего греха таить, так, чтобы не трепыхался минут пять...

Вернувшись к сержанту, Андрей проделал с ним и его пистолетом Beretta тот же «фокус» с наручниками.

«Ну!.. И что дальше? — подумал он, осмотрев «поле битвы». — Теперь-то чего? Воевать со всем караульным взводом? Полная херня!.. Кто ж так учит-то?.. А как другому?! «Только в трудностях и лишениях познается настоящая воинская служба!..» Ладно, Андрюха! Придумается чегой-нибудь... »

Он приподнял за талию слегка подвывающего от боли сержанта и заволок его в комнату дежурного по КПП. Потом вернулся и за рядовым...

— Э!.. Ну, ты как? Не помер?

Андрей вылил уже целый графин воды на голову незадачливого дежурного и теперь легонько хлестал его ладонью по щекам.

— Давай! Приходи в себя, вояка сопливый!

— Вы-ы от-ветит-те за н-на-ападен-ние н-на-а к-ка-рау-ул... — пролепетал сержант.

— Ага. Согласен!.. Только ты сейчас возьмешь трубочку, — Андрей показал на небольшой аппарат радиосвязи, беззаботно лежавший на столе. — И сделаешь два звоночка... «Накрутишь» сначала штаб, а потом «караулку».

— Вы...

— Бери трубку, военный!!! — рывкнул Андрей сержанту прямо в лицо.

Сержант скукожился под взглядом Филина, схватил радиостанцию и стал раз за разом вызывать оппонента:

— Поляна, я Дверь! Поляна, я Дверь! Ответьте!!!

— Поляна на связи! Что случилось?! Почему вызываете не по команде?!

Андрей выхватил рацию из рук сержанта:

— Поляна! Доложите Пауку, что Чиф захватил Дверь!

— Не понял! Повторите!

— Чиф «работает» упражнение 19... Дверь захвачена!..

— Принял! Что еще?

— Не поторопитесь — начну работать «упражнение 24/4»...

— «Захват объекта»?.. Ты кто?

— Я же сказал! Доложить Пауку, что работает Чиф! У вас есть пять минут, Поляна!

— Принял.

— Отбой! — произнес Андрей и сунул радиостанцию в руки сержанта. — Теперь вызывай помощь... Быстро!!!

— Рубеж, я Дверь! Нападение! Рубеж, я Дверь! Совершено нападение!!!

— П-ш-ш-ш-ш... — прошипела рация. — Дверь, я Рубеж! Что случилось?

— Нападение на КПП... Срочно требуется помощь!.. Охрана КПП взята в заложники каким-то сумасшедшим идиотом...

— Ну... Хватит!.. — Андрей выхватил станцию и со всего маху долбанул ею об угол стола. — Теперь посмот-

рим, как они быстро прочухают твоё сообщение... Вояки чертовые!.. Мать вашу!!! И её мать!..

Но... Надо отдать должное... Все же не все, кто нес сегодня караул, были такими, как этот дежурный!

Движение в караульном домике началось ровно через десять секунд после того, как поступило сообщение с КПП.

«Грамотно! Вот это уже грамотно! — Андрей наблюдал за передвижениями «противника» из глубины комнаты дежурного, за тем, как рассыпались во все стороны из караулки бойцы караульного взвода. — Вот это уже на что-то похоже!..»

— Резервная рация где?

— Там, — сержант дрожащей рукой показал на ящик стола.

— Отлично! — Он извлек радиостанцию и протянул её дежурному. — Вызывай свой Рубеж! Быстро!

Сейчас Андрей играл на грани фола. Он прекрасно понимал, потому что знал это наверняка, что если начар не такой же «военный», как этот сержант, если он хоть что-то понимает в службе, то штурм КПП последует незамедлительно, с ходу... В этом психология войны и огромный опыт бывших воинов — захваченный объект можно попробовать отбить штурмом с ходу, контратакой и вернуть в течение первых минут, пока противник не успел в нём сориентироваться и закрепиться. Если же в течение первых пяти минут штурм организован не был, то попытка взять с ходу закрепившегося в нём противника может вылиться в большие потери личного состава — есть каноны ведения боевых действий, которые гласят, что атакующий должен иметь перевес в живой силе перед противником, находящимся в укрепленном объекте, как минимум втрое. Да и то... Не всегда этот перевес гарантирует успех. Далеко не всегда...

— Рубеж, я Дверь! Рубеж, я Дверь!

— Рубеж на приеме! — рывкнула радиостанция.

Сержант взглянул на Андрея, как кролик на удава, мол, «и что теперь говорить-то?»

А Андрею уже шарахнул в кровь адреналин, да так, что руки-ноги заходили ходуном:

«Тормози, Андрюха! Это только ты знаешь, что все это «маленький приколы», учебная тревога. Они-то этого пока не знают! И обрабатывать будут серьезно...»

— КПП заминирован! — рявкнул он. — Мой рюкзак видел?!

Сержант кивнул.

— Вот и хорошо... В нем пять кило тротила!.. Пульс управления вот... — он извлек из кармана самый обычный сотовый телефон. — Если меня начнут атаковать, все взлетит на воздух! Передавай!

Сержант забубнил в рацию, а Андрей схватил бинокль, висевший на гвоздике, на стене, и стал всматриваться в одного из легионеров, который показался ему, по повадкам и движениям, тем командиром, который мог здесь всем командовать. И не ошибся!

«Аг-га-а! — Андрей улыбнулся, а в душе его разлилась теплая волна. — Теперь понятно... Ну, здравствуй, ученик... Здравствуй, дорогой!.. Видать, не все так плохо, как подумалось сначала... Ну? И что же ты теперь будешь делать? Чему я тебя научил? Покажешь или...»

А тем временем в рации раздался уверенный голос:

— Вам дается минута, чтобы выйти из помещения, бросить оружие и сдаться! В противном случае здание будет атаковано с применением боевого оружия! В этом случае мы не можем гарантировать вам жизнь!.. Это предупредительный выстрел! Следующие выстрелы будут весить на поражение!

В ту же секунду прямо перед окнами КПП выросли большие грязные фонтаны — пулеметчик на вышке, видимо, очень неплохо знал свое дело...

— Рубеж! — рявкнул Андрей в рацию. — Не надо меня нервировать вашим пулеметчиком! Если будет произведен

еще хоть один выстрел, все взлетит на воздух! У меня здесь пять кило тротила, так что воронка будет не маленькой!..

Радиостанция замолчала на полминуты.

— Взвод, приготовиться! — прозвучала вдруг команда.

«Молодец! Все правильно! Именно так я тебя и учил, сержант! Не вступать в переговоры и не терять времени зря! И что теперь? Теперь ты должен перейти на запасную волну — это первое... — Андрей набрал кнопками длину запасной волны, так как знал ее назубок. — А дальше... Дальше у меня есть два варианта. Либо ты пуганешь меня хорошенько и попытаешься захватить КПП бескровно, ведь не война же здесь все-таки, либо пойдешь на штурм по всем правилам — Устав в сложившейся для тебя ситуации это позволяет...»

— Вышка, я Рубеж!

Андрей внимательно и с огромным интересом наблюдал за действиями начкара так, словно он был наблюдателем на учениях и атакующие сейчас будут не его, а какого-то гипотетического террориста.

— Вышка на связи!

— Ну-ка, срежь козырек! Может, этот идиот и одумается!

— Есть!

В ту же секунду с вышки ударила длинная пулеметная очередь.

«Кто же это там такой виртуоз?!»

Андрей даже присел немного от неожиданности. По жестяной крыше домика КПП гулко забарабанили увесистые пули. Они, конечно же, без труда могли бы пробить и крышу, и деревянный потолок, и влететь внутрь помещения, почти не потеряв своей убойной силы. Но... Пулеметчик поступил по-другому... Он стрелял по тридцатисантиметровому жестяному козырьку, который нависал над окнами снаружи! С пятидесяти метров!

Длинная пулеметная очередь закончилась тем, что попереk окна с крыши опустился жестяной «фартук» с неровными, рваными краями!

«Вот это да! Вот это мастер-виртуоз!.. И кого-то он мне напоминает! Уж не...»

— Рубеж, я Первый! — рявкнула вдруг станция в руках Андрея уверенным и таким знакомым голосом.

— Слушаю, Первый, я Рубеж!

— Учебная тревога! Отставить штурм! Закончить выполнение упражнения!

— Есть закончить упражнение!

— Личный состав караула построить у КПП! В здание не входить! Ждать меня!

— Это может быть опасно, Первый.

— Выполняйте приказание! Конец связи!

«Оперативно... — Андрей, внимательно слушавший все эти переговоры, взглянул на часы. — Три минуты сорок секунд... У тебя, сержант, оставалось чуть больше минуты, а ты уже почти все успел! Что ж... Зачет! Отлично!..»

Он посмотрел на онемевших от удивления и испуга «заложников»:

— Что замолкли, девочки?

— Уч-чебная тр-ревога?! — промямлил «дежурный». — Уп-пр-ражнение?!.. Этого не может быть!

И тут Андрей выдал фразу, которая вполне может стать крылатой.

— В жизни, юноша, всегда так бывает — *случается то, чего не может быть, а то, что быть может и должно, почему-то не случается...*

Сержант захлопал глазами, явно не понимая смысла сказанного, а Андрей улыбнулся и стал смотреть в окно.

Караульный взвод строем в колонну по два уже приближался к КПП, так же как и летевшие на всех парах разбирая дороги четыре штабных «Хаммера». Через полторы минуты они встретились у шлагбаума.

— Sois égalisé! Tranquillement! — скомандовал сержант и, печатая по асфальту шаг, приблизился к Первому. — Monsieur général!..¹

¹ — Равняйся! Смирно! Господин генерал!.. (франц.)

— *Librement, sergent!*¹ — отмахнулся от него генерал и, подхватив приличных размеров рюкзак, быстрым широким шагом направился к месту «недавнего боя». Он взлетел по ступенькам и рванул на себя дверь.

— Мон женераль! — Андрей вытянулся по стойке «смирно» перед этим бравым воякой.

— Отставить! — улыбающийся Жерарди смотрел на Андрея своими мудрыми глазами. — Иди сюда, сынок!

Они обнялись крепко, по-мужски, по-солдатски, как могли бы обняться только воины, глубоко уважающие друг друга, съевшие вместе не один пуд соли.

— Ну и что это за внеплановую учебную тревогу ты тут устроил, башибузук?

— Отработка упражнения 19, мон женераль!

— Решил прямо у КПП вступить в свою должность или просто скучно стало?

— Так точно!

— Что так точно?

— Решил вступить в должность!.. И скучно стало...

Паук посмотрел на Андрея так, как посмотрел бы отец на любимого, но хулиганистого сына.

— Ладно... Вот. Переоденься, — генерал бросил в руки Андрея тугой рюкзак. — И приведи себя в порядок, а то похож на бродягу... Три минуты!..

Генерал вышел на улицу, а Андрей разобрал рюкзак и стал очень быстро переодеваться — заставлять ждать Паука было бы не просто верхом наглости и неуважения, но за это еще могли сурово наказать.

В рюкзаке оказалась его, Андрея, форма. Но не полевая, камуфлированная, а «парадная для строя» — отутюженная темно-зеленая, с аксельбантами, белоснежной рубашкой и черным шейным платком (эту деталь принес в армию еще легендарный генерал Шарль де Голль), с лейтенантскими эполетами и орденскими планками, которые Андрей успел заработать за всю свою ратную жизнь — че-

¹ — Вольно, сержант! (*франц.*)

тыре советских и две французских. На самом дне рюкзака покоился его Малиновый Берет, который Андрей с огромным удовольствием и гордостью и водрузил на голову...

Он аккуратно сложил свои гражданские пожитки в рюкзак и обернулся к дежурному, находившемуся от увиденного в состоянии гроги, как сказал бы любой боксер. Перед ним стоял не просто на несколько званий старше офицер, а человек, который носил Малиновый Берет, имел кучу наград и к которому сам генерал Жерарди, легендарный Паук, обращался не как к подчиненному, а как к равному, как к другу!..

— Ну, что замолчали, девочки?

— Месье лейтенант! Я не знал! — залепетал сержант. — Я... Разрешите доложить, месье лейтенант?!

— Службу надо нести правильно, сержант. — Андрею было и жаль этого сопляка, и не жаль одновременно. — В соответствии с Уставом. И не расслабляться ни на секунду! Ты — сержант легиона! Хотя, мне кажется, что после этой тревоги уже нет... И должен быть готов, везде и всегда, к отражению внезапного нападения. Везде и всегда! И у тебя был очень хороший пример — твой начальник караула. И это ему, а не тебе надо вынести благодарность за то, что он оперативно и очень грамотно свел на нет то, что здесь произошло, сержант, благодаря твоему ротодействию! Это будет тебе уроком...

Андрей развернулся и вышел из здания — три минуты, опущенные Пауком, закончились.

Караульный взвод стоял у КПП в две шеренги, во главе со своим сержантом, а генерал прохаживался у своего «Хаммера» метрах в десяти, дымя сигареткой.

— Взвод! — подал команду сержант.

— Отставить! — предупредил следующую команду Андрей и поздоровался: — Здравствуйте, солдаты!

— Здравия желаем, месье лейтенант.

— Вольно!

— Вольно! — продублировал команду начальник караула.

— Сержант! Прикажете кому-нибудь из ваших капралов отвести взвод в караульное помещение, а сами останьтесь.

— Есть!

Через минуту взвод отправился в «караулку», а улыбающийся сержант приблизился к Филину:

— Месье лейтенант! Разрешите поздороваться!

Но Андрей уже сам сграбастал его в свои объятия:

— Стингер, черт лысый! Здравойся, разрешаю!

Они тискали друг друга в медвежьих объятиях так, словно не виделись уже очень давно. Да, собственно, именно так и было — в последний раз этого вояку, одного из сержантов его, Андрея, взвода, он видел еще в мае, в госпитале на Корсике. Потом Андрея перевезли в Обань... С того момента прошло почти десять месяцев.

— Чиф! — На глазах Стингера, этого сурового и рискованного вояки, даже выступили две малюсенькие слезиночки. — Где ж тебя носило столько времени? Где ты был, командир?

— Кто у тебя на вышке, сержант?

— Джагглер!

— А-а! Ну, тогда понятно! — Хотя, если честно, Андрей нисколько не был удивлен. — А я-то вдруг подумал, что появился еще один пулеметчик-виртуоз! А весь взвод?

— В Аяччо, Чиф, на Корсике.

— Не понял! Вы-то вдвоем что здесь делаете?

— Два дня назад вернулись из очередного отпуска. Ждем самолет...

— Понятно... А пока ждете, вас в караул отправили, чтобы без дела не слонялись...

— Так точно!

— Ладно!.. Вечером, после караула, в нашей старой казарме...

— Есть, месье лейтенант! — Стингер улыбался во все тридцать два.

— А я пока в штаб... Неудобно заставлять ждать генерала. — Андрей попросился со своим сержантом и направился к тяжелым джипам...

* * *

...В штабе Паука с момента его, Андрея, последнего посещения практически ничего не изменилось. Те же довольно узкие коридоры, та же дверь в генеральскую приемную с табличкой «Le général Gerardi» и все тот же секретарь — лейтенант Савелофф. Длинноногий, сисясто-попастый, фигуристый, с большими красивыми глазами с длинными ресницами... Мари Савелофф...

Она поднялась навстречу вошедшим и проворковала своим грудным голосом:

— Bonjour, monsieur général! Bonjour, monsieur lieutenant Ferry!¹

— Здравствуй, Мари! — Паук, не задерживаясь, проследовал к своему кабинету, бросив на ходу: — Приготовьте, пожалуйста, в комнате отдыха небольшой стол на шесть персон и пригласите туда через час полковника Мюррея, подполковника Брожек и капитана Дворжецки.

— Да, мон женераль! Что сказать приглашенным офицерам?

— Будет небольшой банкет по поводу возвращения в строй боевого офицера. — Генерал притормозил у двери в кабинет и обернулся к Андрею. — Небезызвестного вам, Мари, лейтенанта Фэрри.

— Вы сказали на шесть персон, мон женераль?

— Ваше присутствие обязательно, лейтенант Савелофф!

— Так точно, мон женераль! — отозвалась по-военному девушка.

— Выполняйте! — Паук посмотрел на Андрея. — Чего

¹ — Здравствуйте, господин генерал! Здравствуйте, господин лейтенант Фэрри! (франц.)

остолбенел, Чиф? Заходи в генеральские покои, располагайся...

«Ага! Остолбенеешь тут... — Он голодным взглядом смотрел на генеральскую секретаршу. — А юбочка-то у тебя стала еще короче, лейтенант... Куда же ты теперь пистолет-то прятать будешь, когда и так весь сникерс снаружи?!»

В голове Андрея, этого неисправимого ни при каких обстоятельствах одессита, порой рождались такие ассоциации, что, как говорят на Украине: «Ни в тын, ни в ворота»!.. Вот и сейчас, когда он увидел «униформу» лейтенанта Мари, произошло то же самое — он вспомнил старый анекдот:

«Обменялись как-то Горбачев и Рейган своими секретаршами в знак чистых и дружеских намерений. Но секретарши, конечно же, были агентами разведок — ЦРУ и КГБ.

Через месяц приходит шифровка в Белый дом: «Заставляют носить юбку все длиннее и длиннее. Скоро стану коммунисткой!»

И шифровка на Лубянку: «Юбки заставляют носить все короче и короче! Скоро будут видны яйца и пистолет!..»...

...Посмеиваясь в душе над самим собой, Андрей вошел в кабинет вслед за генералом.

— Садись.

Генерал указал на кожаные кресла, которые стояли в глубине кабинета, возле небольшого журнального столика, а сам открыл дверцу крохотного бара, замаскированного под книжную полку, и извлек оттуда початую бутылку «Hennessy XO», два пузатых хрустальных стакана и тарелочку с нарезанным лимоном.

— Хочу выпить с тобой вдвоем, Чиф, vis-a-vis, так сказать... Пока никто не помешал, — произнес Паук, усаживаясь в соседнее кресло. — И я хочу услышать первым, что собирается делать, как служить дальше один из заслужен-

ных моих офицеров, Семьдесят Седьмой Малиновый Берет... Ну, наливай, лейтенант! Чего сидишь, время теряешь?

От подобных предложений отказываться здесь было не принято. Да и зачем? Андрею и в самом деле хотелось немного выпить без того официоза, который наверняка последует на предстоящем сабантуе. Он разлил душистую янтарную жидкость по бокалам и посмотрел на Паука.

— За твое возвращение, Ален. — Генерал поднял свой бокал. — Bon-bon!

— Bon-bon!! — поддержал тост Андрей.

Они чокнулись и выпили коньяк совершенно не так, как это делают гурманы, а по-солдатски, до дна. Граммов по сто пятьдесят, не меньше...

— Наливай! — скомандовал Жерарди.

И Андрей с удовольствием подчинился этому приказу.

По его телу начало разливаться блаженное тепло, а мысли, мчавшиеся до этого в его голове бешеным галопом, умерили свой бег и потекли размеренно и спокойно. Он был «дома»...

«La légion — ma Patrie», — улыбнулся Андрей и посмотрел на генерала.

— Как съездил в Гималаи, Ален?

— Все в порядке, Паук... Все хорошо...

— Даже более чем хорошо, вижу... — Он смотрел на лоб Андрея, где краснела свежей розовой кожей маленькая круглая точка, отметина от недавно зажившего ожога. — Вижу, что и там ты немало преуспел, если Кут Хуми оставил тебе знак «посвященного»... Ты мог остаться там, Ален... Почему же не остался?

— Я иду своей дорогой, Паук...

— Ясно... Может, ты и прав, сынок... Время покажет...

¹ Bonbon — конфета по-французски. А вот излюбленный тост французов «bon-bon!» можно, очень приблизительно, по смыслу перевести как «Удачи!».

Давай выпьем за наше солдатское постоянство и верность долгу.

Они чокнулись и выпили еще раз.

— Что ж. — Генерал поднялся. — Посиди здесь, отдохни. Через час Мари проводит тебя в комнату отдыха на наш общий банкет... А я пока отдам последние на сегодня распоряжения... Не опаздывай, лейтенант!

Генерал вышел и плотно прикрыл за собой дверь, оставляя Андрея наедине с самим собой.

И Филину не оставалось ничего иного, как пуститься в воспоминания. Воспоминания того, что происходило с ним совсем недавно... И уже так давно...

* * *

...Был февраль уже 2000 года.

Андрей сидел в мягком, удобном кресле огромного авиалайнера «Boeing 747», уносящего с полуострова Индостан в Европу его измученное бесконечными войнами тело и... Теперь уже, наверное, излеченную душу... Андрей возвращался... Возвращался к своей, такой нелегкой и опасной, уж ему ли это было не знать(!), но такой привычной до обыденности(!!!) работе... Он возвращался, чтобы продолжать служить в легионе...

Он возвращался, мучимый сомнениями, правильно ли он поступает сейчас... Ведь еще десять дней назад он был абсолютно уверен и тверд в своем решении остаться здесь навсегда!.. Здесь, на северной стороне самой высокой горы королевства Бутан, и, наверное, самой красивой во всем Каракоруме вершине Кулагангри. Здесь, на границе с Китаем, где Андрей провел последние три месяца...

Он вновь и вновь переживал в душе эту зиму. Зиму, проведенную среди святых людей монахов-лам, исповедовавших тантрический буддизм, в дзонге со странным для уха европейца названием Кулха Чу (Kulha Chu)...

*Декабрь 1999 г. — февраль 2000 г.
«Крыша Мира»*

...Дзонг¹ этот был не совсем обычным — это был буддистский монастырь, в котором жили тибетцы. Эти монахи пришли сюда с севера, с Тибета, несколько веков назад во главе со своим далай-ламой, построили на почти отвесной северной стене Кулагангри, на высоте около 4000 метров свой дзонг и стали здесь жить...

Но... Необычность и даже нереальность в каком-то смысле была в том, что «жители» Кулха Чу были не обычные монахи-ламаисты, а аскеты, исповедующие очень редко встречающееся религиозное направление — тантрический буддизм — это Махатмы, Белые Братья или Учители Мира.

Когда-то давно, в двадцатые годы прошлого столетия, Рерих, совершивший свое путешествие в Гималаи, для того чтобы увидеть Махатм и отыскать чудесную страну Шамбалу, написал о них: «Это люди, эволюционировавшие в течение прошлых столетий через сотни жизней, подобных нашим собственным. В прошлом они жили, любили, трудились и действовали так же, как живем, любим и трудимся сейчас мы. Они — кровь от крови и плоть от плоти нашей: они часть нашего человечества и ничем от нас не отличаются, кроме, пожалуй, того, что они старше и мудрее нас. Они — земные люди, победившие смерть и достигшие бессмертия... Это люди, обладающие многими способностями, недоступными человечеству, но избавленные от наших недостатков. Это **Великие Посвященные**, это **Звездные Люди**, достигшие максимально возможного земного развития. Это люди, которые могут творить чудеса в понимании простолюдинов, ибо обладают многими

¹ Слово «дзонг» дословно переводится как «крепость», «дворец» и «монастырь». Дзонги разбросаны по всей стране, обычно они расположены в ущельях гор или на берегах рек. На протяжении долгой истории Бутана они играли роль крепостей, защищавших население от нашествий вражеских армий.

феноменальными способностями, заключающимися в материализации, телепортации, чтении мыслей. Уникальность и чудесность Махатм заключается в том, что они не просто верят, а по-настоящему реинкарнируют из жизни в жизнь, воплощаясь каждый раз в новой «физической оболочке»... Эволюция Белых Братьев достигла таких заоблачных высот, что само их пребывание в человеческой среде и физическом теле стало для них крайне тяжким и опасным...» Что еще можно добавить к словам великого ученого-исследователя?..

Потому и удалялись они от мира в самые труднодоступные горы, Гималаи. Но... Эти мудрейшие люди все же не скрывали абсолютно своего существования от остального мира, потому что:

«...До тех пор, пока люди с равнин будут сомневаться, будут и любопытство, и искания, а искания стимулируют размышления, порождающие усилия. Но как только секрет нашего существования станет досконально известным, не только скептическое общество не извлечет из этого пользы, но и тайна нашего пребывания будет под постоянной угрозой и потребует для охраны весьма больших затрат энергии...» — говорил великий Махатма Мориа.

Вот уж, воистину, Учителя Мира!..

В дзонг Кулха Чу Андрей попал благодаря генералу Жерарди.

Сейчас под мерный гул самолетных турбин Андрей вспоминал тот их разговор в конце июля, когда он только только вышел из госпиталя:

— ...Тебе надо побывать там, сынок! Поверь мне, я знаю... В твоём мозгу сейчас творится такое, что недолго стать постоянным пациентом психиатров, но они, к сожалению, мало что могут, Ален... Мы воины. Мы родились ими, и в этом никто не виноват, но нам нельзя становиться изгоями... Тебе нужен отдых, но не среди простых людей, потому что они тебя раздражают. Твоей душе нужен отдых среди одухотворенных людей...

— Я стал идиотом, Паук? — спросил тогда Андрей.

— Нет, Ален! Просто пришел тот момент, когда чаша терпения в твоей душе наполнилась до краев. Десять лет, солдат! Ты воюешь уже десять лет! Ты умирал, ты спасал других, ты терял близких... Ты пережил в свои тридцать с лишним лет столько, сколько иной не переживает и за всю жизнь! Ты наполнил свою чашу переживаний, сынок! Теперь настал момент, когда надо начать все с чистого листа... Я сам пережил такой момент однажды... И не знаю, где и кем бы я был сейчас, если бы мне не помогли в свое время... Теперь настал и мой черед...

— Хорошо, Паук, я поеду...

— Но сначала должно пройти некоторое время, Ален. Разрешение от Махатмы попасть в Кулха Чу дается далеко не каждому! И уж во всяком случае, по просьбе того, кто там уже побывал. Должно пройти некоторое время.

— Много?

— Месяца два-три, Ален... Продержись это время и не натвори глупостей, прошу тебя. А я сделаю все возможное...

— Хорошо, мон генераль...

* * *

...Еще со времен своей школьной юности, с тех времен, когда ходил к своему сенсею в додзо, где постигал искусство великого Морихея Уэсибы и его «Путь Воина», айкидо, еще с тех времен Андрей слышал о таинственных монахах... О монахах, которые носили белые одежды, которые жили на «Крыше Мира» вдалеке от мирской суеты, проповедовали абсолютное добро, но и были уникальными воинами, обладавшими нечеловеческими способностями! Тогда, пятнадцать лет назад, мальчишке Андрею казалось, что человек, который может голыми руками и силой духа воевать в одиночку с целым войском, — это тот кумир, к силе и возможностям которого только и стоит стремиться... И он впервые задумался над тем, что эта сила духа, эта Прана, приходит только к истинно духовному

человеку только тогда, когда его гуру, его учитель айкидо, Зыков, уникальный, надо сказать, человек сам по себе, один из самых первых подвижников восточных боевых искусств в Союзе, привез его в Киргизию, в настоящий буддийский храм, Пагоду, где Андрею вручили его Черный Пояс. Он тогда по глупости своей, детской наивности взял да и задал вопрос далай-ламе о Белых Братьях. Андрей до сего дня помнит тот взгляд!.. Взгляд умудренного жизнью старца, который смотрел на него так, как, наверное, смотрел бы прадедушка на своего малолетнего правнука, если бы тот задал ему вопрос «А как вы с прабабушкой сделали моего дедушку?»... И взгляд на его гуру, полный укоризны, в котором читалось: «Что же ты не объяснил своему сыну, что таких вопросов задавать нельзя?» И огромное смущение и раскаяние во взгляде Виктора Павловича Зыкова за своего бестолкового «лучшего ученика», какое он не видел более никогда, ни до, ни после... И ни единого слова в укор! А лишь произнесенные с глубинным смыслом, который он начал понимать только по прошествии многих лет, слова:

«Ничто, Андрюша, не дается даром! Любые знания постигаются только тогда, когда ученик хочет постичь науку и прилагает к этому огромные физические и душевные усилия! И успеха добиваются только те, кто знает, зачем ему нужны эти знания, только те, кто поставил перед собой цель и идет к ней, и только те, кто понимает и, наверное, отчасти боится тех знаний, которые обретает! Потому что любые знания — это оружие. И как ты распорядишься своими знаниями, и давать ли их тебе, должен и обязан знать только твой учитель! Ибо он берет на себя огромную ответственность за те последствия, которые могут произойти... Ты хороший парень, ты хороший и упорный боец, Андрей, ты уже сумел получить «мечту» любого дворового пацана — свой Черный Пояс, но!.. Ты еще никто!.. Да! Ты теперь в свои пятнадцать, наверное, сумеешь противостоять пяти, семи, а может, и десяти пьяным хулиганам, которые и намного взрослее, и намного опытнее те-